УДК 821.161.1-6.09«19»

Т.В. Левицкая

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ (дневник и публицистика Н.А. Лухмановой)

Статья посвящена анализу дневников и публицистики Н.А. Лухмановой периода Русско-японской войны. Использовано большое количество архивных документов. Цитируемые источники освещают Русско-японскую войну в новом и неожиданном ракурсе: события переданы сквозь призму женского мировосприятия. Особое внимание уделено роли женщины на войне, деятельности Красного Креста, а также заметкам, касающимся быта и уклада жизни мирного населения Манчжурии и Японии. Особый интерес представляет обзорный анализ дневниковых записей и неопубликованных публицистических работ Н.А. Лухмановой. Подробно рассмотрены неопубликованные статьи, написанные Лухмановой во время ее путешествия по Японии, в которых она анализирует корни японского патриотизма и рассматривает феномен победы Японии в войне. Японская школа рассматривается как основной источник патриотизма, принесшего победу маленькой стране в войне с Империей.

Н.А. Лухманова, женщина на войне, патриотизм, Русско-японская война, Япония, японская школа.

Надежда Александровна Лухманова (1841–1907) – прозаик, драматург, публицист, лектор. Сейчас ее имя практически забыто, но на рубеже XIX–XX веков она была известна всей России: ее художественные и драматические произведения были широко востребованы, она выступала с лекциями в столице и за ее пределами, к ней прислушивались или же вступали в жесткую полемику, но не могли не восхищаться ее талантом и активной жизненной позицией. Поэтому неудивительно, что, узнав о нападении японцев на Порт-Артур в ночь на 27 января 1904 года и начале военных действий, Лухманова решает ехать в Манчжурию. И 4 апреля 1904 года в возрасте 63 лет она отправляется на Дальний Восток и в качестве сестры милосердия, и как корреспондент газет «Красный Крест», «Петербургская газета» и «Южный край». День за днем Надежда Александровна ведет дневник, который она впоследствии оставит своему секретарю О.Г. Базанкур (1879–1943).

В день своего отъезда Лухманова записывает: «Почему я еду? Ужас ожидания неизбежности отнял бы у меня способность работать, изнылось бы мое сердце. Где уж тут писать статьи о вопросах гражданской жизни?! Один выход – бежать туда, где страдают, и там, исполняя обязанности матери, сестры, няньки, стряпухи, подкармливая и выхаживая раненых, забыть собственный страх и довести себя до такой покорности, когда вся молитва к Господу будет сосредоточена в одном вопле: “Да будет воля твоя!!!” [1]. В дневнике она записывает впечатления от происходящего, документально четко фиксирует места, события, встречи. Избранные части дневника Надежда Александровна превращает в статьи и отправляет в редакции журналов. В путевых заметках она старается зафиксировать разнообразные проявления жизни: отсутствие женщин на улицах Харбина, китайский театр с 8-часовым спектаклем, уродование ног китайским женщинам (которое ее возмущает), народные методы лечения и даже публичную казнь. Ее записи и статьи представляют собой интереснейшие наблюдения быта и нравов жителей Манчжурии и Японии, описание судеб людей в условиях военных действий (как офицеров и солдат, так и мирных жителей), особое внимание уделяется роли женщины на войне.

Большая глава в дневнике посвящена сестрам милосердия. В ней Лухманова не только восхищается мужеством женщин, избравших этот путь, но и отражает ряд нападок и обвинений, постоянно их преследующих. Н.А. Лухманова пишет, что, любая женщина, если только она не «светская кукла, не нравственная мумия» [2], предпочтет каждодневный труд и помощь пассивному и изматывающему бездействию. Но вместо ухода за ранеными часто женщинам приходится бороться с клеветой и даже травлей со стороны мужчин. Она перечисляет ситуации, которые истолковываются совершенно однозначно: «Сестру видели на извозчике с офицером… Сестру

[1] Цит. по: Колмогоров А.Н. Мне доставшееся. Хроники Н.А. Лухмановой. М. : АГРАФ, 2013. С. 184.

[2] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (далее – РО ИРЛИ). Ф. 32. Оп. 1. Д. 571. Л. 61. (Все записи из дневника приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. – *Т. Л.*).

© Левицкая Т.В., 2018

милосердия встретили на вокзале под руку с каким-то генералом… У сестры милосердия жил старший врач, чай… Сестры милосердия шли в сопровождении нескольких студентов…» [3].

Лухманова с сожалением отмечает, что сестра милосердия становится именем нарицательным, имеющим характер фривольности; шутки про сестер носят все более скабрезный характер. И все меньше женщин и девушек готовы избрать этот путь и тем самым подвергнуться насмешкам и унижению. Пытаясь пресечь клевету и несправедливое отношение к женщинам, которые предпочли активную помощь бездействию, Лухманова перечисляет имена сестер Святотроицкой, Покровской, Евгеньевской, Георгиевской и Иверской общин, подчеркивая, что все они были из хороших семей, имели отличное образование и в своей деятельности главным фактором считали безусловную дисциплину труда. Но общество словно мстит девушкам за обретение самостоятельности и независимости: «Принося пользу, отдавая себя на все лишения, которые сопряжены с их деятельностью, они продолжают быть свободными и независимыми девушками, а между тем они-то и становятся причиной злоязычия, клеветы и миллиона бессовестных инсинуаций, которыми везде травят сестру милосердия» [4].

Глава завершается горячим и горестным восклицанием: «Каждый мужчина горячо уважает СВОЮ мать, СВОЮ жену, СВОЮ сестру, и с необыкновенной жестокостью бросает грязью в чужую. Неужели мужчина не может никогда признать в женщине равного себе человека, оставить ее в покое, идти по всем дорогам и тропинкам ее призвания, подниматься на все ступени, доступные ее уму и сердцу? Он судил и осуждал ее не по поступкам, а только потому, что она женщина и поэтому достойна клеветы, насмешки и осуждения» [5]. Лухманова, всегда трепетно отстаивавшая права женщин в своих лекциях и публицистических работах, не может не обратить внимание на положение женщин в армии и со свойственным ей пылом вступается за невинно оскорбляемых. И надо признать, что такого рода информация обычно не просачивалась в официальные сводки, рисующие совершенно иную картину.

В своих записях писательница подробно рассказывает о китайских нравах и обычаях, наиболее яркие события она художественно запечатлевает и результат отсылает в редакции газет. Например, дневниковая запись под заголовком «Китайский знахарь» впоследствии перерабатывается ею в рассказ «Шаман». Лухманова обращает внимание на внешний вид, обычаи и поведение жителей Манчжурии. В путевых заметках подчеркивается непонимание и во многом неготовность принять китайскую культуру. Самым тяжелым испытанием для нее была поездка на рикше, а местную еду она так и не решилась попробовать. Попав в деревню, она говорит: «Тут черта, за которой начинается непонятная для нас жизнь народа, который – и покоренный нами – остается чужд нашему пониманию» [6].

Свое пребывание в Манчжурии Лухманова сравнивает с этнографической выставкой: «И все кругом: и жилища, и лавки, и самый народ так примитивно просто, грубо и грязно. Так цинично откровенно во всех житейских проявлениях, что опять-таки теряется всякое сознание, что около вас люди, страдающие и наслаждающиеся, может быть, опасные, а может быть, просто жалкие. Вы так же равнодушно и индифферентно ходите среди них, как если бы вы гуляли по любой этнографической выставке.

Говорят, казнь послезавтра» [7].

Упоминание о казни контрастирует с музейной метафорой в описании китайской деревни. Оно отрезвляет «посетителя этнографической выставки», с превосходством взирающего на окружающие его «экспонаты», и возвращает вновь к жизни – неподдельной и жестокой. Н.А. Лухманова констатирует, что при внешне мирном сосуществовании завоеватель и завоеванный народ никогда не могут прийти к взаимопониманию. С этой точки зрения аллегорично звучит описание Куропаткинского пролома. Писательница объясняет, что для того, чтобы «обрусить» Ляоян, в стенах города были сделаны проломы, а улицы города были переименованы на русский лад. Лухманова проводит аналогию разрушения стены с крахом старого мира и вторжением в него новых порядков: «Когда клалась эта стена? Может быть не один век тому назад… Когда-то она считалась неприступной и ограждала манджурский город Ляоян от внешнего общения и влияния… И вот теперь сильной рукой этот новый город “белых дьяволов” постучался в старую стену, и та, разрушившись, открыла ему свой проход» [8].

---

[3] Там же. Л. 64.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 65.
[6] Там же. Л. 83.
[7] РО ИРЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 571. Л. 60.
[8] Там же. Л. 91–92.

Но тревожно это победоносное разрушение, эфемерен успех. Образ разрушения стены можно сравнить с общей картиной пребывания русской армии в Манчжурии: «Весело смеясь, перекидываясь шутками, разрушали солдатики священную стену, китайцы стояли вокруг молчаливой толпою, некоторые тоже улыбались, и объяснить, что думала и чувствовала эта толпа, что значили эти улыбки, – очень трудно. Только одно верно – не индифферентность и не доброта скрываются за этими вечными оскалами губ, которым на все и всегда отвечает китаец» [9].

По мере развития военных действий все тревожнее и драматичнее становятся записи дневника. Путевые заметки, зарисовки быта уступают место строкам, полным тревоги и сострадания. 26 июня в Ляояне мимо дома, где остановилась Лухманова, проходит вереница изможденных, больных и голодных солдат, которые буквально утопают в грязи. Надежда Александровна поражена этим зрелищем и более всего ее огорчает собственное бессилие и невозможность помочь: «Если бы их было 2–3, можно было бы сказать – “взойдите, отогрейтесь, выпейте стакан чаю”, но их так много, много, что я ничего не могу сделать. Вот теперь я вижу через открытые двери моей комнаты, как они проходят. Я знаю, что такое явление нормальное в силу войны, все доктора говорят, что до сих пор мы еще исключительно в счастливых условиях, еще нет никакой серьезной эпидемии. Дизентерия, лихорадка, а главное, усталость от этих тяжелых страшных ударов от горных утомленных переходов. Если бы этим самым солдатам дня три хорошей жизни и полного отдыха, то, вероятно, три четверти из них вернулись бы обратно в поля здоровыми. Но вот именно этого и нет. Все лазареты переполнены ранеными из Лаояна, уже вызвали Евангелический и, кажется, Георгиевский госпитали; остались военные, в которых на 80 палат наваливают до 500 человек» [10].

По окончании войны и подписании сторонами мирного договора писательница решается посетить страну-победительницу, чтобы осмыслить феномен победы маленькой страны над могучим противником. В неопубликованной статье «Отчего мы проиграли войну Японии?» она делает акцент на главной черте японского национального характера − беззаветной любви к Родине, видя в этом причину стойкости народа. В начале статьи она ссылается на заметку, прочитанную ею в одной петербургской газете, в которой всерьез сообщалось, что спиритам удалось разгадать тайну победы Японии в войне. Тайна заключалась в том, что «японцы прекрасные оккультисты и в армии Куроки были магические зеркала» [11]. Лухманова соглашается с тем, что японские солдаты действительно обладали волшебными дарами. Но этими дарами на самом деле были беззаветная любовь
к Родине, память о предках и презрение к смерти. В качестве примера «урока патриотизма» писательница приводит прощальную речь капитана Яширо от 19 февраля 1904 года, обращенную к командам первых брандеров «Гекокумару», «Пукумару» и других, отправлявшихся на ночное блокирование выхода 1-й Тихоокеанской эскадры России из гавани Порт-Артура: «…От имени отечества я требую исполнения невыполнимой задачи. Я посылаю вас, может быть, на верную гибель. Если бы я имел единственного сына, я велел бы ему занять место рядом с вами. И если бы император дозволил мне стать во главе предприятия, я с гордостью и счастьем исполнил бы это. Но я могу только выпить с вами последнюю чашу воды [12] и сказать вам – идите с надеждой исполнить свой долг, но без мечты возвратиться… Если у тебя оторвут правую руку – дерись левой. Если потеряешь обе – дерись ногами. Потеряешь ноги – дерись зубами и головой. Но ни одну секунду не думай о личных страданиях…» [13].

Н.А. Лухманова пишет, что у каждого солдата, попавшего в плен (долгое время пленных не было, так как японцы предпочитали смерть пленению и убивали себя), на шее или на сердце был потайной карман, в котором находился мешочек земли («это была земля обожаемой родины, политая потом многих поколений» [14]), а также табличка, сплошь исписанная иероглифами (имена целого рода предков). Она отмечает, что это были не просто имена, но живые души, всюду сопровождающие воина. В письмах, которые находили на мертвых и пленных, всегда были слова матерей и жен:

---

[9] Там же. Л. 92.

[10] Там же. Л. 48.

[11] РО ИРЛИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 571. Л. 41.

[12] Обряд чаши воды, которую выпивают перед разлукой в семье, строго соблюдается японцами. Это как бы связывает всех живущих в одну семью, и затем этот последний глоток воды на своей родине остается свежей струей в его памяти до минуты смерти или обратного возвращения (примеч. Н.А. Лухмановой. – *Т. Л.*).

[13] РО ИРЛИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 571. Л. 43.

[14] Там же. Л. 42.

«Простившись с тобой, мы остаемся совершенно спокойными. Мы знаем, ты не посрамишь своего рода и каждую минуту будешь готов отдать жизнь за родину…» [15]. Эти слова ее особенно поразили.

Н.А. Лухманова сравнивает отношение японцев и русских к войне и вынуждена признать, что у соотечественников превалируют упаднические настроения: «…рыдания, слезы, письма, надрывающие душу мольбы… А над всем этим как черный ворон с фантастическими, громадными крыльями носился принцип “чем хуже, тем лучше”» [16]. Испытав на себе военные тяготы, она понимает, что никакое оружие и никакая стратегия не могут заменить боевого духа, настроя бойца. Воин, не осознавший того, за что он воюет, не сможет выйти из битвы победителем. В дневнике Лухманова с ненавистью отзывается о бессмысленной и кровавой бойне, но все же приходит к выводу, что в сложившейся ситуации остается лишь один выход – борьба. Она пишет: «Боже, какое жестокое, какое безумное дело – война! Я всеми силами стараюсь заглушить свое сердце – я повторяю и себе, и другим, что рассуждать можно было до войны, критиковать можно после, но теперь пролито столько крови, принесено столько жертв, что каждый русский чувствует одно – надо победить. Надо, − во что бы то ни стало! Я так говорю, я так чувствую… и все-таки всеми силами души ненавижу войну, проклинаю ее и ничем не могу ее оправдать» [17].

Загадку необыкновенного патриотизма японцев Лухманова и пытается разгадать во время своего путешествия по Японии. Оказавшись там, Надежда Александровна прежде всего производит осмотр учебных заведений, понимая, что именно там закладываются основы национального характера. Там она сравнивает японское и европейское образование и явно отдает предпочтение первому. Она подробно описывает урок в японской школе: «Какая самая счастливая страна на свете? – спрашивает учитель географии на уроке, и весь класс в голос отвечает – Япония!

– Почему?

– Потому, что в ней царствует свобода и справедливость!

– Кто самый великий человек в мире?

– Того! [18] – гремят детские голоса, и имя его пишется на доске по-английски упрощенным японским шрифтом и китайскими иероглифами. И так, что бы ни преподавали, о каком бы предмете ни шла беседа, везде красной нитью проходит восхваление Родины» [19].

И в детских играх Лухманова отмечает все тот же патриотический настрой. Она описывает, как во время перерыва между занятиями дети собрались в два круга, держась за руки, а в центре стояла девочка и руководила процессом подобно дирижеру хора. Надежда Александровна попросила учителя объяснить смысл игры и получила следующее разъяснение: «Хор поет: Старик пахал поле, обрабатывал его, впрягаясь сам к своему ослу, засеял, молил богов послать урожай, боялся грозы, дождей и засухи, взросло семя и из большого колоса посередине вышел мальчик-красавец, сплел из других колосьев корабль и поплыл на нем покорять врагов, он бился храбро, победил всех, вернулся с торжеством, поле все было покрыто цветами, посередине стоял старик. Слава, слава. Банзай храброму воину. Слава, слава. Банзай добродетельному старику, сумевшему вырастить и воспитать храброго воина!» [20].

Н.А. Лухманова приходит к выводу, что самым главным отличием японской школы от любой европейской является то, что в ней ребенка воспитывают гражданином, сознательно любящим свою родину и приспособленным с пеленок к служению ей наилучшим образом. Ей очень импонирует атмосфера равенства, в которой воспитываются дети разных сословий (разница общественного положения заметна лишь в дни посещения детей родителями). Внутри учебного занятия важны лишь умственные и духовные качества ученика: «Школа равняет все достатки и выделяет только сокровища ума и души. Это школьная аксиома» [21].

Однако, несмотря на положительную оценку японского воспитания и образования, отдавая должное любви японцев к Родине и сохранению традиций, Лухманова показывает и оборотную сторону медали: дисциплина и повторение заученного во многом лишь маска, скрывающая самобытность, стихийность и первобытную дикость этого народа. Она подчеркивает, что все европейские достижения, перенятые японцами, являются лишь внешней маскировкой, механически повторяемыми действиями: «Японец, органически связанный со своими предками, землей, обычаями, сумеет действовать по-европейски везде, где ему необходимо будет конкурировать.

---

[15] Там же.

[16] Там же. Л. 44.

[17] Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 571. Л. 85.

[18] Того Х. – японский адмирал, разгромивший 1, 2 и 3-ю Тихоокеанские эскадры России в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

[19] Цит. по: Колмогоров А.Н. Мне доставшееся … С. 216.

[20] РО ИРЛИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 571. Л. 68.

[21] Там же.

Именно этим-то он и силен. Познавая Европу, он не перестанет страстно любить свою страну и считать ее неизмеримо выше всех других…» [22]. В статье «Японцы и их культура» Н.А. Лухманова описывает урок европейских танцев в одной из школ Киото: «Пары построились, начиналась кадриль. Ни грации, ни одного раскованного движения. Каждая танцует совершенно так, как другая, и все совершенно так, как учитель. Все делается отчетливо, весело, в такт. Но это лишь танцевальное упражнение на европейский манер» [23]. Настоящую страсть и подлинные эмоции Надежда Александровна видит в священном танце японской гейши: в каждом движении гейша «солидарна с тем, что она делает. Ее душа трепещет в каждом повороте головы, в каждом вывернутом пальце» [24].

Вспоминая столь недавние военные действия, жестокие бои, искалеченных и убитых людей, Лухманова проводит тревожную параллель: «Глядя на японок, танцующих кадриль, и на скачущего между ними учителя, мне вдруг стало страшно. Да, если бы пустить несколько таких пар в наш бальный зал, то они, нисколько не смущаясь, ни минуты не сомневаясь, что танцуют именно так, как надо, смели, столкнули бы в кучу всех наших танцующих <…> И поле битвы, как и бальный зал, остались бы, бесспорно, за ними…» [25].

30 марта 1906 года Надежда Александровна вернулась в Санкт-Петербург с большим количеством заметок, статей, китайских и японских сказок и с раной в сердце при воспоминаниях о больных, искалеченных, убитых солдатах.

Через несколько дней в ее записях появится горькое и саркастическое замечание:

«Вчера, прогуливаясь по Невскому, обратила внимание на объявление: Выставка русских и японских кустарных изделий! Вот это по-Христиански! Страшно трогательно! Не успели еще зажить раны физические и нравственные, нанесенные нам этой войной, как мы уже принялись помогать нашему врагу, пропагандировать их кустарную промышленность и даже устраивать для этого выставки. Надо бы обязательно написать в Японию, пусть порадуются, и пришпилить благодарственную телеграмму (с уплатой за нее затем на месте) устроителям данного базара» [26].

Таким образом, можно констатировать, что Н.А. Лухманова избрала совершенно особый угол зрения при описании войны и особенностей чужой страны. Она стремилась, сохранив глубоко личное восприятие, сделать объективные выводы и обобщения. Читая главы ее дневника, статьи, сказки, мы можем прочувствовать трагедию Русско-японской войны, переданную не в фактах и цифрах, а запечатленную лично, в записях, наполненных эмоциями, переживаниями, состраданием, что дает нам возможность не просто получить подробную информацию, но и пережить со всей полнотой ощущения людей в эти трагические дни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колмогоров, А.Н. Мне доставшееся. Хроники Н.А. Лухмановой [Текст]. – М. : АГРАФ, 2013. – 460 с.
2. Личный архив Н.А. Лухмановой [Текст] / Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (РО ИРЛИ). – Ф. 571. – Д. 32. – 118 л.
3. Личный архив Н.А. Лухмановой. Китайские и японские сказки, рассказы о Японии и Китае [Текст] / РО ИРЛИ. – Ф. 571. – Д. 7. – 69 л.

REFERENCES

1. Kolmogorov, A.N. Mne dostavsheesya. Khroniki N.A. Lukhmanovoi [Text]. – M. : AGRAF, 2013. – 460 s.
2. Lichnyi arkhiv N.A. Lukhmanovoi [Text] / Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Rossiiskoi akademii nauk (RO IRLI). – F. 571. – D. 32. – 118 l.
3. Lichnyi arkhiv N.A. Lukhmanovoi. Kitaiskie i yaponskie skazki, rasskazy o Yaponii i Kitae [Text] / RO IRLI. – F. 571. – D. 7. – 69 l.

---

[22] Колмогоров А.Н. Мне доставшееся … С. 218.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Колмогоров А.Н. Мне доставшееся …
[26] РО ИРЛИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 571. Л. 62.

T.V. Levitskaya

THE RUSSO-JAPANESE WAR AS DEPICTED BY A RUSSIAN WRITER
(N.A. Lukhmanova's diary and articles)

The paper analyzes N.A. Lukhmanova's (1841–1907) diary and articles written during the period of the Russo-Japanese war. It provides information about the writer's biography and her works. It analyzes a great number of archival materials, and focuses on the writer's diary and her unpublished articles. The analyzed sources describe the Russo-Japanese war in a new and unique way, through the eyes of a woman. N.A. Lukhmanova centered on the role of women at war, the role of the Red Cross, the life of civilians in Manchuria and Japan. The writer describes the atmosphere of anxiety and alienation experienced by the Russian Army in Manchuria. The article focuses on N.A. Lukhmanova's travel essays created by the writer during her travel through Japan and the article "The Japanese and their Culture", in which the writer analyzed the roots of Japanese patriotism and treated the phenomenon of Japan's victory in the war so tragic for Russia. N.A. Lukhmanova believes that Japanese patriotism is rooted in Japanese education and up-bringing. The Japanese mentality is reflected in literary works created during the Russo-Japanese war (tales and short stories).

N.A. Lukhmanova, women at war, patriotism, Russo-Japanese war, Japan, Japan school.